

40. United Nations Bibliographic Information System [Electronic resource]. URL: <http://unbisnet.un.org:8080/ipac20/ipac.jsp?session=14639C101865E.34850&profile=bib&page=6&group=0&term=puerto+rico&index=.SW&uindex=&aspect=subtab124&menu=search&ri=5&source=!horizon&1463981255103> (accessed: 22.05.2016).

41. USNS Mercy stops in Guam during Pacific Partnership // Pacific Partnership Public Affairs. May 30, 2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.cpf.navy.mil/news.aspx/130021> (accessed: 03.06.2016).

42. Viewers respond to report on Puerto Rico's debt crisis [Electronic resource] // PBS NEWSHOUR. 2015. URL: <http://www.pbs.org/newshour/bb/viewers-respond-report-puerto-ricos-debt-crisis/> (accessed: 03.06.2016).

Рукопись поступила в редакцию 1 июня 2016 г.

УДК 28:316.344.7 + 323.1(575.1) + 327.2(575) + 351.746

А. В. Кочнев

ПРОБЛЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИСЛАМСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН В ОБЩЕМ КОНТЕКСТЕ НОВЫХ УГРОЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Статья посвящена анализу формирования экстремистских группировок в Средней Азии на примере Республики Узбекистан. Рассматриваются особенности становления экстремизма после распада СССР, влияние внешних факторов на его развитие, а также степень опасности данного явления на современном этапе. Определяется значение узбекистанского очага экстремизма и усилий республики по борьбе с ним в рамках ситуации с распространением новых (нетрадиционных) вызовов международной безопасности в Средней Азии в общерегиональном масштабе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Средняя Азия, Узбекистан, ислам, экстремизм.

Борьба с распространением новых (нетрадиционных) угроз безопасности в регионе Средней Азии на современном этапе стала одним из факторов обеспечения международной стабильности на всем евразийском пространстве. Наиболее серьезной угрозой, с которой столкнулись многие государства региона после распада СССР, является распространение исламского экстремизма. В настоящее время представляется необходимым изучить корни данного явления, проследить его эволюцию, выявить особенности распространения экстремизма в различных государствах региона, попытаться спрогнозировать развитие проблемы и возможные перспективы ее решения. Кроме того, важным является анализ ситуации в контексте соперничества в регионе внешних акторов и значения внешних угроз, таких, как деятельность запрещенной в России террористической организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ). В данном исследовании делается акцент на ситуации в Узбекистане, что связано с его стратегически важным геополитическим положением, значимостью для политического и социально-экономического развития всего региона и, наконец, с масштабом проблемы

исламского экстремизма и повышенной угрозой дальнейшего развития и распространения экстремистских идей и движений как внутри этой бывшей советской республики, так и с выходом за ее пределы.

С точки зрения географических рамок региона Средняя Азия включает в себя такие современные государства, как Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Казахстан, то есть бывшие советские республики. Таким образом, в международных исследованиях разграничиваются понятия «Средняя Азия» и «Центральная Азия» (последнее используется в терминологии ЮНЕСКО и подразумевает весь макрорегион в целом) [11, 6]. Особенность Средней Азии как региона тесно связана с влиянием, которое оказывает на него Россия. С XIX в. так называемый «Русский Туркестан» во многом перестал самостоятельно взаимодействовать с внешним миром, а в советский период выступал как актор международных отношений в составе СССР. Эта изолированность, в том числе и от мусульманского мира, вплоть до развала Советского Союза, позволила сформироваться на этих территориях особому типу ислама, видоизменившемуся под влиянием атеистической советской идеологии и на долгое время изжившему из себя экстремистские настроения.

Положение в регионе резко меняется после 1991 г., когда бывшие советские республики объявляют о своей независимости. Распад СССР приводит к идеологическому кризису в новых государствах, которые в этот период находятся на этапе поиска своей идентичности и новых ментальных парадигм. На смену коммунистической идеологии приходит усиленно вытеснявшаяся в годы советской власти религиозность.

Вновь открытые для контактов с мусульманским миром страны Средней Азии начинают усиленно заполнять лакуны в религиозном развитии и религиозных системах своих обществ, что создает плодородную почву для набирающих силу экстремистских организаций. В силу своего географического положения главным «поставщиком» радикального экстремизма в среднеазиатские страны СНГ является Афганистан. Как известно, во время советского вторжения 1979–1989 гг. в Афганистане появился ряд группировок радикального исламистского толка. В 1989 г. после вывода советских войск эти группировки продолжили войну против официального правительства. В 1992 г. с падением режима Мохаммеда Наджибуллы, долгие годы существовавшего при поддержке Советского Союза, начинается становление группировки «Талибан» [16]. С момента ее возникновения в 1994 г. и последующего захвата ею большей части территории Афганистана последний становится главным источником новых угроз безопасности Средней Азии.

На сегодняшний день все среднеазиатские республики ведут активную борьбу с проявлениями терроризма и исламского экстремизма. Наиболее интересной для исследователей является ситуация, сложившаяся в Республике Узбекистан (РУ). Из всех бывших советских республик именно Узбекистан в начале 1990-х гг., после исчезновения сдерживающего советского фактора, стал центром радикального исламизма. Представители Исламской партии Возрождения, движения «Воины Ислама» и множества других радикальных исламских группировок в 1996 г. вошли в состав ИДУ — Исламского движения Узбекистана (после 2002 г. — Исламская

партия Туркестана). Само движение, зародившееся в полуправовых общественных объединениях, прошло сложный этап становления, приняв участие в гражданской войне в Таджикистане в составе вооруженных формирований Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) и зарекомендовав себя в качестве союзника движения «Талибан» и «Аль-Каиды» [2].

Лидеры движения Тахир Юлдашев и Джума Намангани разрабатывали целую инфраструктуру подрывной диверсионной деятельности, однако до 1999 г. правительство Узбекистана проводило политику невмешательства и либерализма по отношению к замещающему советскую идеологию исламу.

Политика правительства изменилась после первых терактов, которые произошли 16 февраля и 6 августа 1999 г. Президент Узбекистана Ислам Каримов в своем официальном заявлении обвинил в терактах исламских экстремистов [12].

Это заставило правительство начать пересмотр своей политики либерального отношения к исламу, который оказался не просто замещающей идеологией, но идеологией, принимавшей под воздействием внешних факторов радикальный уклон. Так, в Узбекистане был закрыт целый ряд медресе и создан государственный орган Управление мусульман Узбекистана, благодаря которому были взяты под контроль назначение имамов в мечетях, составление учебных программ медресе, выпуск религиозной литературы и проверка на экстремизм работников мечетей. Кроме того, 7 апреля 1999 г. был основан Ташкентский исламский университет при Кабинете министров Республики Узбекистан. В соответствии с постановлением Кабинета министров данный университет создан «в целях глубокого изучения, бережного сохранения, доведения до грядущих поколений богатого и уникального духовного и культурного наследия исламской религии, а также повышения уровня знаний населения в этой области, подготовки высококвалифицированных специалистов, отвечающих современным требованиям» [9]. Объективно главной задачей университета стало формирование в обществе понятий фундаментального традиционного ислама, исключая радикализм и экстремизм.

С 2001 г. внешняя политика Республики Узбекистан начинает ориентироваться на Запад. Правительство Узбекистана дает положительную оценку действиям войск США и НАТО в Афганистане в рамках борьбы с террористической угрозой, оказывает им помощь, в том числе и посредством открытия военной базы США в Ханабаде. Однако в 2004 г. в РУ происходит еще шесть террористических актов. Ответственность за эту серию терактов, как и за аналогичные атаки на территории Киргизии, берет на себя Исламское движение Узбекистана [10]. Оно признается террористической организацией и в России (с 2003 г.), и в США [1].

В мае 2005 г. происходят беспорядки в городе Андижане. Проводившиеся правительством судебные процессы над участниками экстремистских организаций спровоцировали вооруженный переворот, который был жестоко подавлен силовыми структурами Узбекистана. Негативная оценка Западом данных событий, а также последующий ввод Евросоюзом и Конгрессом США эмбарго на поставки оружия в Узбекистан приводят к смене политического курса РУ в сторону России. Ташкент добивается закрытия военной базы США на территории страны. Параллельно, однако, РУ включается в крупные региональные энергетические проекты КНР [8, 8]. С этого момента начинается политика активного «лавирования»

Узбекистана между крупными державами, чьи интересы пересекаются в Центрально-Азиатском регионе.

Стоит отметить, что складывание в Средней Азии системы многостороннего сотрудничества, в том числе в области безопасности, после распада СССР шло достаточно медленно и постепенно [6]. Узбекистан при этом, входя в такие многосторонние объединения, как СНГ и ШОС, отказывался от присоединения к Коллективным силам оперативного реагирования, неоднократно замораживал свое членство в ОДКБ [5, 12], а также воздерживался от вступления в «пророссийские» международные организации, такие, как Таможенный союз. И только на более позднем этапе появились данные о планах Ташкента все же подписать соглашение о зоне свободной торговли с Евразийским экономическим союзом [7]. Это не означает полного поворота внешнеполитического курса РУ в сторону России, однако свидетельствует о том, что правительство республики осознало, что единственным центром поддержки, в случае неудачи миссии США в Афганистане и дальнейшего распространения в Средней Азии экстремистских настроений, является именно Россия.

После андижанских событий позиции США в регионе несколько пошатнулись. Однако в ноябре 2012 г. Узбекистан вышел из ОДКБ, и главной причиной этого, по мнению ряда экспертов, вновь стала переориентация внешней политики Ташкента на США. Последнее, однако, не привело к разрыву военного сотрудничества с Россией [3]. США же воспринимали Узбекистан в качестве ключевого, по данным газеты «Нью-Йорк Таймс», плацдарма для вывода войск НАТО, а Ташкент в обмен рассчитывал на получение вооружений и техники, использовавшихся в военных действиях на территории Афганистана [17]. Как отмечает директор Евразийского коммуникационного центра А. В. Пилько, США и в дальнейшем не намерены уходить из Центральной Азии и будут активизировать диалог с Ташкентом, пытаясь убедить администрацию президента Ислама Каримова вновь предоставить территорию для военной базы [7].

Относительно новым геополитическим шагом для Ташкента стало строительство железной дороги Узбекистан — Афганистан, начатое по инициативе Германии. Данный проект, с одной стороны, предполагает возможность наращивания экономического потенциала как Афганистана, так и всего региона, а с другой — является частью сформулированной в США концепции так называемой «Большой Центральной Азии». Согласно этой концепции ключевая роль в регионе отводится Афганистану, а основная ее цель состоит в переориентации Центральной Азии с России на Южно-Азиатский регион. По мнению главного научного сотрудника Института востоковедения РАН и профессора МГИМО (У) МИД РФ И. Д. Звягельской, такая переориентация усилит негативное афганское влияние на Среднюю Азию: вырастет наркотрафик и усугубится проблема распространения радикального исламизма [14].

Ситуация в Афганистане в последние годы менялась лишь незначительно. Формально США и НАТО изменили статус своего присутствия в стране с военного на мирное в рамках миссии «Решительная поддержка». В ноябре 2015 г. госсекретарь США Джон Керри совершил поездку по странам Средней Азии, посетив Кыргызстан, Узбекистан, Казахстан, Таджикистан и Туркменистан.

По данным информационного агентства «Рейтер», Керри обсудил с лидерами бывших советских республик перспективы взаимодействия с учетом сокращения американского военного присутствия в Афганистане. Лидеры пяти государств, в свою очередь, приветствовали решение президента США Барака Обамы о замедлении вывода войск из Афганистана [4]. Подобное мнение лидеров среднеазиатских республик представляется логичным в контексте усиления влияния в Центральной Азии террористической организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ): присутствие войск НАТО в этом случае выступает в качестве сдерживающего фактора. Однако подобное присутствие не является гарантом безопасности и защиты от террористической угрозы и, более того, становится потенциальным раздражителем не только для радикальных исламистов Афганистана, но и для экстремистских кругов внутри стран Среднеазиатского региона.

В целом на радикализацию обстановки в Афганистане оказывают непосредственное влияние целый ряд факторов, в том числе события в Сирии. В последние месяцы 2015 г. началось особенно активное проникновение членов Исламского государства на территорию Афганистана. По данным британской газеты «Таймс», боевики ИГИЛ, помимо северных провинций, контролируют четыре уезда к югу от Джелалабада, административного центра восточной афганской провинции Нангархар [15]. Целый ряд экстремистских сил на территории Афганистана прямо или косвенно связаны с Узбекистаном. Таким образом, именно Узбекистан является потенциальной базой для дестабилизации положения в Средней Азии. А Исламское движение Узбекистана (ИДУ) в 2014 г., по данным источника МК.ru в правоохранительных органах РУ, заявило о присоединении организации к боевикам ИГИЛ [13]. С идеями ИГИЛ отчасти перекликается выдвинутая ИДУ идея исламского государства в Ферганской долине.

Таким образом, на примере Республики Узбекистан мы можем проследить рост масштаба и эволюцию роли экстремистских движений от одного из проявлений замещающей идеологии ислама после распада СССР и угрозы локального уровня до угрозы безопасности всей Средней Азии. В силу своего географического положения Узбекистан является одним из ключевых государств региона и площадкой для соперничества крупных внерегиональных акторов. Однако ни сотрудничество с США в борьбе против терроризма в Афганистане, ни участие в отдельных многосторонних объединениях не привели к решению РУ проблемы распространения исламского экстремизма. Основные радикальные силы в Узбекистане выразили свою поддержку ИГИЛ.

Также можно сделать вывод, что вероятность дальнейшего роста влияния ИГИЛ в соседнем Афганистане еще больше обостряет угрозу для пограничных районов Средней Азии. А наиболее вероятным объединяющим фактором для Средней Азии в борьбе против угрозы экстремизма выглядит расширение сотрудничества в рамках ОДКБ и в целом связей с Россией в сфере противодействия новым вызовам безопасности. Присутствие же США и НАТО в регионе, несмотря на активную антитеррористическую деятельность, перемену статуса миссии (из военной — в мирную) и поддержку официального правительства Афганистана, является не столько фактором сдерживания исламского

экстремизма, сколько его катализатором, что также может способствовать созданию на территории бывших советских республик очага террористической агрессии Исламского государства.

1. Антитеррористический центр государств-участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cisatc.org/134/160/208> (дата обращения: 03.12.2015).

2. Аскарлов А. Исламское движение Узбекистана. История трансформаций // Информационно-аналитический центр МГУ. 10.03.2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://ia-centr.ru/expert/4063/> (дата обращения: 28.11.2015).

3. Выход Узбекистана из ОДКБ // РИА Новости. 19.12.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/politics/20121219/915465075.html> (дата обращения: 06.12.2015).

4. Джон Керри заверил страны Центральной Азии в сохранении поддержки США // Afghanistan.ru. 06.11.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://afghanistan.ru/doc/91429.html> (дата обращения: 30.11.2015).

5. Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители. Доклад Российского совета по международным делам / рук. авт. коллектива В. В. Наумкин, гл. ред. И. С. Иванов. М., 2013.

6. Камынин В. Д. Политика России в области обеспечения безопасности в Центральной Азии в 1990-е гг. // Изв. Урал. федер. ун-та. Серия 3: Общественные науки. 2013. Т. 112, № 1. С. 146–159.

7. Мнение: США попытаются вернуть свою базу в Узбекистан // РИА Новости. 23.01.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/radio_brief/20150123/1044001284.html#ixzz3tl0Zlb2J (дата обращения: 30.11.2015).

8. Мухаметов Р. С., Лямзин А. В. Центральная Евразия как регион геоэнергетической конкуренции России и КНР // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 21. С. 6–10.

9. Постановление Кабинета министров Республики Узбекистан «Об организации деятельности Ташкентского исламского университета». 06.05.1999 г. № 224.

10. Религия и общество. К терактам в Киргизии причастны члены организации «Исламское движение Туркестана» // NEWSru.COM. 24.06.2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/religy/24jun2003/idt.html> (дата обращения: 06.12.2015).

11. Султанов Т. И., Сыздыкова Ж. С., Кадырбаев А. Ш., Зайцев И. В. История Центральной Азии. Т. 1. М., 2015.

12. Теракты и беспорядки в Узбекистане // РИА Новости. 26.05.2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20090526/172345801.html> (дата обращения: 02.12.2015).

13. Узбекистан: ИДУ заявило о присоединении к ИГ // МК.ру. 6.10.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/politics/2014/10/06/islamskoe-dvizhenie-uzbekistana-zayavilo-o-prisoedinenii-k-ig.html> (дата обращения: 06.12.2015).

14. Центральноазиатские лидеры рассматривают американские проекты только как экономические, исключая военную поддержку // Международный Евразийский институт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iicas.org/page.php?id=20> (дата обращения: 03.12.2015).

15. Часть территории на востоке Афганистана контролирует ИГИЛ // Afghanistan.ru. 06.12.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://afghanistan.ru/doc/92384.html> (дата обращения: 07.12.2015).

16. Kaplan E., Bruno G. The Taliban in Afghanistan. Report of the Council on Foreign Relations // The Washington Post. 07.07.2008 [Electronic resource]. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/07/07/AR2008070701446.html> (accessed: 30.11.2015).

17. Kramer A. As NATO Prepares for Afghan Withdrawal, Uzbekistan Seeks War's Leftovers // The New York Times. 31.01.2013 [Electronic resource]. URL: http://www.nytimes.com/2013/02/01/world/asia/uzbekistan-wants-natos-leftovers-from-afghanistan.html?_r=2 (accessed: 01.12.2015).